

ТЕМНАЯ СТРАСТЬ

В ПЛЕНУ ЖЕЛАНИЙ

ОНА ЕГО
СОБСТВЕННОСТЬ

Риаса

МАТИЛЬДА СТАРР

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С77

Автор иллюстрации на обложке XINSHI麻雀

Во внутреннем оформлении и на обложке
использованы элементы дизайна:
artanchorage, Acri, lumpyai l sweet / Shutterstock / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock / FOTODOM

Старр, Матильда.

С77 Она его собственность. Риаса / Матильда
Старр. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Темная
страсть. В плену желаний).

ISBN 978-5-04-207133-1

Риаса – маленькая колючка, задорный чертенок. Много лет назад ее старшая сестра Мирая пожертвовала своей свободой ради нее. Чем закончилась эта история можно узнать в первой книге серии: «Она его собственность. Мирая».

С того времени многое изменилось, Риаса выросла в прекрасную юную деву, однако ее непокорность и дерзкий характер доставляли немало хлопот. Свободолюбивая и смелая, она хотела жить так, как велит сердце. Но побег с любимым обернулся беспощадным предательством, и теперь ее жизни угрожает опасность. Ведь она стала желанной игрушкой в руках Темного короля и орудием жестокой мести.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Матильда Старр, текст, 2025
© XINSHI麻雀, художественное
оформление, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2025

ISBN 978-5-04-207133-1

Все темно-серое: стены, потолок, роскошное шелковое белье... Свечи. Их неровный трепещущий свет плавал в воздухе, переливался миллионом солнечных зайчиков, вспыхивал искрами в длинных рыжих прядях, ореолом рассыпавшихся вокруг головы, отчего казалось, что постель объята огненным пламенем. Картинка расплылась, потекла радужными кляксами...

Я что, плачу? Нет! Я ужасно зла. Я просто в ярости!

Лежу и не могу шелохнуться, скованная магическими путами. Руки вытянуты над головой, ноги раздвинуты. Подходи и пользуйся, блюдо подано. Проклятые темные со своей проклятой магией! Странно, что рубашку оставили. Тонкое кружево,

нежное и невесомое, словно воздушный поцелуй из прошлого... От собственной унижительной беспомощности хотелось выть, как волчица на луну. А еще было страшно. Очень. До одури. Этот страх змеей свивался в животе, плескался в горле, грозя прорваться истерикой. Нет. Я сильная, я выдержу. Пусть делает, что хочет, от меня ничего не дождется. Ни слезинки, ни крика. Пусть хоть на куски режет!

Король стоял у постели и пристально рассматривал меня. Я хотела отвернуться, чтобы не видеть его смазливую физиономию. Наверняка считает себя красавцем и сам ошалеет от собственной неотразимости. Впрочем, темным не нужно быть красавцами, чтобы быть неотразимыми... У них для этого есть магия.

Отвернуться не получалось. Приходилось смотреть в лицо мучителя. Волнистые волосы, светлая кожа, точеные черты надменного лица. Что же он медлит? Блюдо не по вкусу? Ожидание словно изощренная пытка. Может, мне повезет, и он решит, что не голоден? Мне. Повезет. О боги... О везении даже думать смешно, после всего того, что случилось.

Наконец король пошевелился. Похоже, увиденное ему понравилось. Он одобрительно хмыкнул, наклонился надо мной, и через секунду холодная сталь коснулась моей шеи. Что я там про «резать

на куски» говорила? Я судорожно сглотнула и почувствовала укол.

— Не дергайся!

Острое лезвие молниеносно скользнуло вдоль тела, рассекая рубашку сверху донизу. Тонкое кружево разошлось, обнажая белую кожу без единой царапинки. Я выдохнула и с ненавистью уставилась в немигающие глаза короля. Тот с наслаждением втянул носом воздух, словно наслаждаясь моим унижением, страхом и яростью.

Вот как? Не доставлю ему такой радости! Я зажмурилась и крепко сжала зубы.

Теплая мужская рука нырнула под легкую ткань, медленно прошла по телу, слегка задевая груди, которые тут же набухли и стали болезненно чувствительными. От горячего дыхания над ухом по коже побежали мурашки. Что он там делает? Повернув голову, я распахнула глаза и вздрогнула, наткнувшись на горящий взгляд. Мгновенно стало жарко, и в этом неправильном жаре таяла злость, сменяясь непонятной истомой.

Он неотрывно гладил мое тело, спускаясь все ниже. Это движение сводило с ума, отдаваясь томительным спазмом между ног.

Я судорожно сглотнула, чувствуя, как наливается тяжелым жаром низ живота. Боги, что со мной происходит?! Я до крови прикусила щеку,

пытаясь прийти в себя, избавиться от неуместного и неправильного ощущения...

Я не должна! Нужно постараться отвлечься. Думать о другом. Например, о том, как я вообще оказалась здесь, в этой комнате и в этой роли.

Я убежала из дома.
Даже звучит невероятно. Из таких мест не убегают, там живут и радуются жизни... Жизни в достатке и счастье. И это все я сменила на темную и сырую комнатку таверны, нисколько не жалея.

Тусклая свеча почти догорела, и лишь поэтому я могла понять, что прошло уже два часа с небольшим. Два часа?! Гильом оставил меня здесь целых два часа назад? Сказал, что пойдет к трактирщику и попытается выбить комнату получше, где не будет так отчаянно дуть из окна. Будто девушке может быть дело до сквозняка, если ей удалось оседлать ветер! Хотя тут действительно холодно. Чертов трактирщик мог бы получше замазать щели в стенах! Я повозилась на кровати, плотнее закутываясь

в потертое одеяло. Грубая ткань неприятно и шершаво коснулась кожи там, где ее не прикрывала тонкая шелковая рубашка. Роскошная, соблазнительная рубашка, одно удовольствие трогать.

Я провела руками по нежному кружеву. Сколько раз я мечтала, томясь ночью в своей комнате, богатой и нарядно украшенной, как вот точно так же меня будут касаться руки Гильома... От этой мысли щеки вспыхнули, а сердце ухнуло куда-то вниз, взметнув стайку бабочек... Ну где же он? За два часа можно было перебрать все комнаты во всех трактирах этого мелкого городишки! А может, в замке обнаружили мое исчезновение? Вдруг слуги темного схватили Гильома и теперь пытаются?!

Нет, чушь. Я все хорошо продумала. Меня не хватятся до утра. А утром...

Я представила до смерти перепуганное лицо сестры и укоризненный взгляд ее мужа, темного. Представила, как милая дорогая Сандра покачает головой: взяли оборванку в семью, поселили рядом с детьми, а она — нож в спину. И все будут правы. Сбежала, опозорила их, да еще и прихватила драгоценности.

И пусть они мои: сестра с радостью дарила подарки, словно пытаюсь восполнить то, чего в свое время недополучила сама. Все равно сейчас это виделось воровством.

Нет, не буду об этом думать... Как бы то ни было, пути назад нет. Я сделала это ради Гильома. Он небогат... А чтобы начать жить вместе, семьей, нужны деньги.

Я снова скользнула руками по гладкому шелку, словно успокаивая себя. Робко потрогала пальцами вершинки грудей... Еще немного — и ласкать меня будут руки Гильома. Оно того стоило. Это стоило чего угодно в мире. «Следуй за своим сердцем» — гласит древняя мудрость, а мое — рядом с ним. И принадлежит ему.

Оно сладко замирает, стоит вспомнить возлюбленного. Высокий лоб, волосы цвета пшеницы, рассыпающиеся волнами, тонкий нос, чувственные капризные губы. Он считался одним из самых красивых парней в городе. О нем говорили, что он словно бог, спустившийся с высоких гор. Такой же прекрасный и такой же непостоянный. Я нахмурилась. О непостоянстве Гильома говорили многие. Он и был таким — пока не встретил меня. А когда встретил, все изменилось.

Он сам сказал: «Кто станет искать взглядом звезды, когда на него смотрит сама луна?»

Свеча зашипела, стрельнув искрами в последний раз, и погасла, будто напоминая о времени.

Три часа... Его нет уже три часа! Это слишком долго для разговора с трактирщиком, даже если тот болтлив, как сорока. Слишком долго

для любого разговора. Что-то случилось... Я рывком откинула одеяло, вскочила с кровати и зябко поежилась. Без свечи в комнате было темно, как в погребе. Нащупав пальто, я накинула его прямо на тончайшую рубашку. Ничего, если запахнуть поплотнее, никто и не поймет, что там выглядывает — кружево ночной сорочки или подол платья. В такой непроглядной тьме не особо нарядишься, да и некогда — вдруг Гильом в беде.

Настороженно прислушиваясь, я тихонько спустилась по ветхой деревянной лестнице прямо в полутемный зал, где теснились грубо сколоченные столы и противно пахло прогорклым жиром и дешевым пойлом. Несколько часов назад, когда мы только приехали и трактирщик вел нас в комнату, здесь было душно и людно. Сейчас шумная толпа схлынула, лишь за одним из столов под тусклой лампой сидели трое. Я остановилась и выдохнула с облегчением.

Одним из троих был мой Гильом. Живой, слава богам, живой и невредимый! Свет от света, красавец, на которого даже взглянуть больно.

Напротив него развалились двое. Немолодые, явно лет за сорок. Одежда, по которой не понять, к какому сословию принадлежат. Шрамы на огромных руках и на загорелых лицах, но главное — взгляды. Алчные, хищные, недобрые. Да у этих подлецов на лбу написано: разбойники.

Что делает мой Гильом, мой светлый мальчик, моя первая и единственная любовь, в компании таких типов?

Гулко брякнув, на стол упали игральные кости и покатались, притягивая взгляд.. Я вздрогнула и потрясенно застыла, не в силах поверить глазам: на заляпанной грязной столешнице сверкали мои драгоценности. Броши, серьги, тончайшей работы браслеты и даже кулон — лик богини-хранительницы.. Любимый кулон на цепочке, который я берегла как зеницу ока и не собиралась продавать ни при каких обстоятельствах.

Большая часть украшений, небрежно собранная в переливающуюся всеми цветами радуги горку, покоилась перед разбойниками, другая, совсем жалкая — браслет, пара сережек да кольцо, — перед Гильомом. Он нервно поглаживал их красивыми длинными пальцами.

Кости остановились. Громилы радостно заржали, а Гильом с досадой хлопнул по столу рукой. И в то же мгновение огромная кряжистая лапища схватила последние драгоценности и перетащила их через стол к остальным.

— Не везет в игре — повезет в чем-нибудь другом, — довольно хохотнул один из подозрительных типов.

Наверное, если бы я не растерялась в ту минуту, мне бы хватило ума понять, что происходит,

и беды можно было бы избежать. Ловко спрятать волосы под пальто — моя огненная шевелюра видна издалека, — накинуть капюшон, тихой тенью выскользнуть за дверь и бежать.. Бежать, не разбирая дороги, спрятаться где-нибудь в тихом и темном углу до рассвета, а там поймать извозчика и с позором вернуться домой. Впрочем, невелик позор. Я вернулась бы такой же девственной, как и уходила. А пропавшие драгоценности.. Мой новый родственник сначала бы нахмурился, отчитал хорошенько, но потом бы велел ювелирам изготовить новые. Лишь образок богини-хранительницы жалко.

Однако горечь обиды так ядовита, что совершенно затуманивает рассудок.

— Гильом.. — тихо прошелестела я. — Ты проиграл мои украшения?

Совсем тихо, но меня услышали, и теперь взоры обратились ко мне.

— Риаса..

Я ожидала, что он придет в ужас от того, что натворил, упадет на колени, будет умолять простить, хотя я, конечно же, не прощу, а велю вернуть меня домой сегодня же, сейчас же, иначе он крепко пожалеет.

Вот только глаза его радостно вспыхнули, словно озаренные какой-то внезапно пришедшей в голову мыслью. И прозвучало совсем другое:

— Ставлю ее. Против всего.

— Какая-то баба? И против всего? Да ты спятил, пацан! — фыркнул один из двоих.

— Не какая-то баба, а девственница.. — тоном записного торговца, нахваливающего лежалый товар, протянула моя любовь. — Она пока невинна.

